

Марзалюк И. А.

**«КАЗАЦКОЕ ТОВАРИСТВО» И
«КАЗАКОВАННЕ» МОГИЛЕВСКИХ МЕЩАН
ВО ВРЕМЯ ИНФЛЯНТСКОЙ ВОЙНЫ
(ПО ДАННЫМ АКТОВЫХ КНИГ МОГИЛЕВСКОГО
МАГИСТРАТА)**

Статья посвящена изучению письменных исторических источников XVI века, в которых упоминается о «белорусских» русинах казаках, «козакованни» жителей белорусского Поднепровья и Посожья. В статье проанализированы виды деятельности, которыми занимались казаки в обществе, показана их оценка современниками и потомками.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, Русь, Москва, исторический источник, Статуты ВКЛ, война, плен, продажа в рабство, история женщин, история детей.

The article is devoted to the study of written historical sources of the XVI century, which mention the «Belarusian» Rusyns Cossacks, «cossackovanne» residents of the Belarusian Dnieper and Sozh region. The article analyzes the types of activities in which the Cossacks were engaged in society, shows their assessment by contemporaries and descendants.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Russia, Moscow, historical source, GDL statutes, war, captivity, sale into slavery, the history of women, the history of children.

Первые упоминания в письменных источниках о «белорусских» русинах казаках, «козакованни» жителей белорусского Поднепровья и Посожья относятся к XVI столетию.

В современной украинской историографии, в первую очередь в трудах украинского историка Сергея Лепьявко, отмечается особенно важная роль белорусов в создании украинского казачества. Актовые документы, в которых упоминаются казачьи подразделения, принимавшие участие в боевых действиях на первом этапе Инфлянтской войны, свидетельствуют, что главными местами сосредоточения казачины в 60-х годах XVI столетия было левобережье Днепра от Орши до Остра, а также бассейн Припяти (белорусско-украинское Полесье и Волынь).

Что касается оршанских казаков, то первое упоминание о них датируется 1530 годом. Казаки, фигурирующие в источниках этого времени, выполняли функции пограничников на литовско-московском порубежье. В источниках отмечается, что основная масса казаков, живших в то время в Оршанском повете, была представлена «показаченным» панцирным боярством. Они жили компактно, отдельными поселениями. Среди оршанских казаков было много выходцев из Смоленщины, не пожелавших принять московское подданство.

В 7 книге публичных дел Литовской метрики (1553–1567 гг.) сохранился весьма интересный документ, датированный 1561 годом – *«листы до старост и державец украинных о козаки»*. Источник адресован, в том числе, воеводам полоцкому и витебскому, державце оршанскому, особый лист был отправлен в Могилев, старосте мстиславльскому, державце рогачевскому, кричевскому и чечерскому. Текст документа ясно и однозначно говорит о наличии *«казаков служебных»* на данных белорусских территориях.

Весьма показательно содержание такого «листа» адресованного Жигимонтом Августом державце оршанскому князю Андрею Семеновичу Одиньцевичу:

«Абы еси казал закликати тамъ у Орши и што будеть там людей служебных козаков, которые бы ся у войско ку службе наше господарское згодили, имена их на реистр списал и тот реистр до нас ничего не мешкаючи послал». Жигимонт Август приказывал оршанскому державце чтобы козаки «... жебы се вже нигде не отсожали, а яко есьмо первеи сего тебе розказали, абы еси встим подданным тамошним розказал, жебы в замок со всьми статками и маетностями своими вносили

ся. А хто бы в том сплошеньство чинил и до замьку провадити ся не хотель, ты бы мощно к тому ихь примушати казалъ, везеньем, а не винами караючи».

Подобная мобилизационная стратегия, в случае с Оршей имела позитивный результат – во время Инфлянтской войны здесь размещался большой казачий гарнизон, состоявший с показаченного мелкого боярства и оршанских мещан добровольцев. Они составляли весьма внушительную силу – в 1580 году у Филона Кмиты Чернобыльского во время боевых действий с «москвою» было около двух тысяч казаков с оршанско-смоленского порубежья. Источники, к слову сказать, упоминают и полоцких казаков. Именно полоцким казакам принадлежит честь захвата в 1579 году московской крепости Нещерды.

Городские казаки постоянно упоминаются в актовых книгах могилевского магистрата. В Могилеве, рядом с замком, как свидетельствует Инвентарь 1604 года, на территории Задубровенского посада, существовала казачья улица. О городских могилевских казаках документы упоминают вплоть до 1654 года.

Говоря о могилевских казаках, нельзя обойти и проблемы невольничества, связанного с военными действиями во время Инфлянтской войны. А если более конкретно – про экспедиции на «москвовскую» сторону за «живым товаром» «показаченных» могилевских мещан добровольцев и продажи ими на могилевском рынке жителей Московского государства.

Как известно, Первый Статут Великого Княжества Литовского 1529 г. запретил невольничество, но только для жителей своего государства. Свободный человек не имел права продавать себя, либо своих детей, в рабство. Однако потомственные рабы, *«челядь невольная»*, продолжали оставаться собственностью хозяина, рабами становились также уголовные преступники, осужденные на смерть, в случае, если потерпевший соглашался сделать их своими невольниками вместо *«карання горлом»*. Вольные люди, если они женились на рабынях, также утрачивали свободу. Однако был еще один источник пополнения количества рабов, о котором упоминает Первый Статут – *«которые полоном заведены суть с земли неприятельское»* [8, с. 115–118]. Именно последней категории невольников посвящен наш текст. К слову будет сказать, III Статут ВКЛ 1588 года, уничтоживший даже само название *«невольник»*, предписавший называть невольников *«деорная челядь»* и уничтоживший все остальные причины невольничества, фигурирующие в Первом Статуте, эту причину невольничества – военный полон, оставил [9, с. 322, 347].

Какие же категории могилевских мещан принимали участие в вылазках на московскую сторону? Каким временем датируются наиболее ранние из них?

Благодаря тому, что до нас дошли почти все актовые книги могилевского магистрата, мы имеем возможность составить представление и о подготовке, и о самих участниках таких экспедиций. Источники свидетельствуют, что *«в заграничье Московское»*, в *«землю неприятеля москвитина»*, ходили по собственному согласию группы хорошо вооруженных *«удавшихся в казацтво»*, на время такой экспедиции, могилевских ремесленников. Среди участников походов упоминаются горшечники, шубники, шорники и представители иных ремесленных специальностей. С оружием у горожан проблем не было – ибо каждый из них, согласно с нормами магдебургского права, обязан был иметь в доме оружие на случай войны. Наиболее ранние документы про такие походы и захват «живого товара» датированны 1579 г., последний случай зафиксирован в актовых книгах могилевского магистрата – 1581 год [1, с. 322, 372, 385, 389, 404–405, 427, 489; 2, 63–66; 6, с. 65, 66, 76, 77, 115, 128, 130, 153; 7, с. 455, 564–565].

В источниках сохранились и описание ритуалов, связанных с подготовкой таких экспедиций. Представим себе Могилев. Идет воскресная служба в православной церкви. Отдельной группой, в полном вооружении, стоят *«показаченые братья»*. После причастия все участники будущего похода торжественно клятуются одному другому делить добычу в походе справедливо, поровну:

«Иж коли есьмо шли за границу, тогда он з иншими товаришами своими, зо мною и з моими поставене такое учынили и руки межи собою дали, и словом своим прирекли, иж в одном товаришестве з нами мели быт, и ест ли бы што Пан Бог послал, то мы мели, вышедши заграничья, в ровный дел добыч свою межи собою розделиль» [1, с. 372].

Что касается конфессионального состава участников. В то время в Могилеве среди горожан не было ни одного католика, как, естественно, и ни одного католического костела в городе. Как видим, принадлежность к православию не мешала ходить православным могилевским горожанам в поисках добычи на московскую сторону. Подчеркнем, их никто не принуждал к этим походам. Это было, так сказать, «инициатива снизу», которая исходила от самих жителей города. Заметим, важнейшей и единственной целью, с которой могилевцы ходили на «московскую» сторону, был тривиальный грабеж и захват в плен или продажа в неволю населения соседнего государства. Отряды передвигались по чужой территории ночью, избегали встречи с московскими войсками, нападали на деревни на рассвете, грабили все, что только можно было найти в крестьянских домах:

«Року 1579 Ивашко Сопронович ходил за границу в товаришестве в козацтво под Смоленск и тут есмо достали сполне кобылы две, робят москалей два, овчын двадцат чотыры, овец чотыры, замок нутреных чотыры, узгольвя дерюги две, сермяк один, мисы три, ковшы два, косы три, топоров сем, скобли две, воску .. волны рун тридцат, чоботы трои, ковши три, скобли две, сорочек дванадцать» [6, с. 76, 77].

В источниках нет ни одного упоминания о плене и продаже в невольничество взрослых мужчин. Во время нападения они защищали свои семьи, и их, как правило, убивали на месте. В плен выводили женщин и детей. Во всяком случае, все уцелевшие акты купли-продажи невольников в Могилеве, говорят только о них. Естественно, что особенным спросом пользовались молодые, здоровые женщины. Кстати, именно из-за них чаще всего среди участников «выправ казацких» возникали конфликты, которые приводили к разбирательствам в магистратском суде. Очень часто случалось так, что пообещав выплатить за «московку» «братам» долю ее реальной себестоимости на невольническом рынке, участник экспедиции, став ее хозяином, это делать не спешил. Не всегда дележка добычи признавалась всеми участниками справедливой. Так на почве нечестного раздела добычи в сентябре 1579 года произошел конфликт между могилевцами Богданом Кузьминичем и Жданом Ахремовичем. Богдан Кузьминич пожаловался в суд на бывшего собрата по оружию о несправедливом захвате последним у него «здабычы заграничной». Однако Ждан оспаривал эту жалобу якобы имевшей место Богданом «братской присяги» о ровном разделе добычи:

«Кгдажмы вжо з заграничя вышпи и вжо на стану будучы, хотели межи собою делитсе, нижли он сам тых речей, што мел з саими товаришами, в дел ровный дат не хотел, то пак я на стань его ни з якими помочниками не находил, але мене пан Тудовский, яко старший между нами будучы, казал его добычы взят в дел, што я взял московку, коня слепого, жеребят двое, овчын одиннадцат, а не так много, яко он жалуеть» [1, с. 372].

Молодая, здоровая женщина «московка» в Могилеве во время Инфлянтской войны стоила от 2 до 5 коп грошей литовских. Подростка можно было приобрести за 1 копу [1, с. 332, 372, 385, 389, 404, 405, 427, 489; 6, с. 65, 66, 76, 77, 115, 128, 130, 153; 7, с. 455, 564, 565]. Коп грошей литовских была равна 2 талерам. Это были достаточно большие деньги. Для сравнения: согласно III Статута ВКЛ 1588 года 2 копы грошей литовских стоил хороший конь, либо вол.

Имел ли какие-нибудь шансы освободиться проданный в рабство пленник? Все зависело от того, на каких условиях он был продан. Самой легкой формой неволи была продажа во временное рабство, «на выробок». В данном случае пленник должен был отработать определенный в акте купли-продажи срок. Этот срок отработки рассматривался как компенсация покупателю за выплаченные им деньги за невольника. Обычно срок временного рабства колебался от двух до четырех лет. Именно на таких условиях в августе 1579 года была продана «московка» Соломонида:

«Иж полонянку московку Соломониду, которую достал будучы за границу у земли неприятельской, которую продал на

выробок учтивому Тимошку Бутаку, мещанину могилевскому, за копы две грошей монеты и личбы литовской, которую маеть он у себя держати до трех лет, а по трех летех волно маеть быт от него пуцона, а в неволи держана не маеть быти, кому хотя, тому маеть служити» [1, с. 332].

Однако в то же время для пленных существовало и пожизненное рабство. В актах купли-продажи встречаем такие понятия как продажа «вечна» или «абел вечна». В таких случаях человек становился челядью невольной до смерти, как и его наследники. Правда и в этом случае у пленного оставался шанс стать вольным. В актах купли-продажи оговаривалось, что в том случае, если полоняника находили его родные, хозяин обязан был продать им его по той же стоимости, за которую приобрел. Весьма показательны в связи с этим условия торговой сделки, которая произошла в Могилеве 17 октября 1579 года:

«Иж московку полонянку, на име Матруну Теренина и з дитятем ее сыном, которую взету на Крапшне, в тых часех не давно прошлых, тую жонку выш помененую прадал обел вечне учтивому Кузме Тарасовичу, мещанину могилевскому, за три копы грошей монеты и личбы литовское, которой жонки на потом сам откупит не маю, толко ест бы се трафил оней жонки муж або приятел з Москвы, тогда тую московку на окуп маеть дат у ее сторону, а в Литву а ни до Полски не маеть дават» [1, с. 404–405].

Источники позволяют проследить, какими видами деятельности занимались маленькие невольники. Пленные «москальки» использовались в качестве домашней прислуги, лакеев, няnek по досмотру за маленькими детьми. Источники свидетельствуют, что в домах богатых могилевских мещан, представителей магистрата, цеховой старшины, купечества, для «ластугов хатних» использовались «челядники москальки» [1, с. 389, 404–405, 427, 489; 3, с. 344]. Однако необходимо отметить также и факты усыновления и выкупа маленьких рабов бездетными могилевцами у их хозяев. В 1581 году Апанас Демидович, шубник могилевский, выкупил у некой Марины Жидкой «москалика»:

«Москалик каб у неволи вечне не зостал ... иж его взял не у неволю, але яко за власное дитя. Которое переховат также кормити, адевати, и тому ремеслу што сам умеет, шубничеству, научить. А кгда тому Федку Макаровичу лет зупольных дойти, волно ему будет кому хотя служитьи» [7, с. 564–565].

Несмотря на тот факт, что нами обработан весь массив могилевских магистратских книг за вторую половину XVI–XVII веков, ни одного случая определения в этих источниках населения Московского государства с «Русью», со стороны могилевских мещан, нами не выявлено. Наоборот, эти два понятия в актовых книгах последовательно разводятся и противопоставляются. Устойчиво определяя себя «русинами», «рускими», «Русью», как и свой язык, книги и произведения искусства, в отношении к соседям с востока могилевские мещане последовательно использовали термины «москва», «москвичи», «москальки», «москавитины», а их язык, книги и вещи называют «московскими» [5].

Казачий след в белорусской исторической традиции имел продолжение в кровавом, полном трагизма XVII столетии, во время восстаний и совместных военных действий с казаками Богдана Хмельницкого в 1648 – 1649 годах, а также во время кровавого «Потопа», в котором активное участие принимали и белорусские полковники, показаченное население Беларуси. Мечта о казачьей вольности преследовала и вождя Кричевского восстания – Василя Ващилу, который в своем манифесте, обращенном ко всем «обывателям» ВКЛ, называл себя внуком гетмана Богдана Хмельницкого. Память о свободе, ассоциированной с казаком, защитником христианской веры и заступником слабых и униженных, нашла отражение в белорусском мелесе. Казачий фольклор распространен по всей территории Беларуси. Белорусский вариант баллады о славном рыцаре Байде, основателе Запорожской сечи, князе Дмитриии Вишневецком, до сих пор поют от Полоцка и до Верхнего Понеманья. В разнообразных вариантах известна в нашей стране песня про смерть казачьего есаула Нестара Морозенки. Очень много и собственно белорусских оригинальных песен с казачьей тематикой.

Этот доклад мне хотелось бы закончить словами с полевого отчета 1926 года великого белорусского этнографа А. Сержпутовского:

«В бывшем Мглинском и Суражском уездах Черниговской губернии среди крестьян живут бывшие вольные люди, которые называют себя казаками. Они были вольными и никогда не были крепостными. Они говорят по белорусски и в своем домашнем быту ничем не отличаются от местных крестьян-белоруссов».

Літаратура:

1. АВАК. – Т. 39. – Вильна, 1915.
2. Голубеў, В. Ф. Звесткі з сацыяльна-эканамічнага жыцця г. Магілёва канца XVI ст. паводле актавых кніг гарадскога магістрата / В. Ф. Голубеў // Старонкі гісторыі Магілёва. – Магілёў, 1998. – С. 63–66.
3. ИЮМ. – Вып. 8. – Витебск, 1887.
4. ИЮМ. – Вып. 30. – Витебск, 1903.
5. Марзалюк, Г. А. Актавыя кнігі магілёўскага магістрата XVI–XVII ст. як крыніца па гісторыі ментальнасці беларускага мяшчанства / Г. А. Марзалюк // Castrum, urbis et bellum. Зборнік навуковых прац. – Баранавічы, 2002. – С. 263–271.
6. Нацыянальны Гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1817. – Воп. 1. Адз. зах. 1. Актавая кніга Магілёўскага магістрата 1577–1579 гг.
7. НГАБ. – Ф. 1817. – Воп. 1. Адз. зах. 2. Актавая кніга Магілёўскага магістрата 1580 – 1581 гг.
8. Статут Великога княжества Литовского. 1529 г. – Минск, 1960.
9. Статут Вялікага княства Літоўскага. 1588 г. – Мінск, 1989.